

Холод.

Это был не тот холод, что чувствуешь кожей, а пробирающий до самого мозга костей, сочащийся из глубин души мороз, способный заморозить мысли и само сердце. Шэнь Цинъюэ шаталась, каждый шаг давался с трудом, словно она ступала по пустоте. Истерзанный подол платья, цепляясь за что-то в ночной тьме, был испачкан грязью и какими-то невыразимыми темными пятнами, под стать ее нынешнему разбитому состоянию. Серебристые волосы утратили бывшее звездное сияние, спутались, набрали в себя пыли и травы, а несколько прядей прилипли к ее лицу, лишенному всякой крови.

Вокруг простирался чужой бамбуковый лес. Тени бамбука колыхались в призрачном лунном свете, издавая сухой шелест, похожий на вздохи бесчисленных призраков. Воздух был пропитан запахом влажной земли и гниющих растений. Она ничего не видела, ничего не слышала. Перед глазами лишь бесконечно повторялась одна и та же картина, застывшая в финальной тьме: решительная спина Хун Ли, бросившейся навстречу мраку; беззвучные губы товарищей, молящих о том, чтобы она выжила, утонувшие в реве уничтожения; и то кладбище вселенных, которое она когда-то называла домом, а теперь оно обратилось в ничто.

— Это я... это я во всем виновата... — потрескавшиеся губы бессознательно шевелились, повторяя единственную мысль, за которую можно было уцепиться, хотя она и сочилась кровью. Каждая надежда, вспыхивавшая в циклах перерождений, в конечном итоге становилась лишь пищей для той абсолютной тьмы. То, что она называла упорством, оказалось самой нелепой деталью в ловушке, искусно расставленной дьяволом. Бесконечное раскаяние и отчаяние, словно тяжелые цепи, волочились за ней, перемалывая в пыль ее силы, волю и саму жажду жизни. Ей хотелось лишь идти, идти бесцельно, пока это брренное тело не рухнет окончательно — быть может, тогда эта пронизывающая до костей боль наконец утихнет.

Неизвестно, сколько времени она так брела, пока ощущение мягкой почвы под ногами не сменилось твердой и шершавой поверхностью. Черное шоссе, словно холодный гигантский питон, пролегло вдоль края бамбукового леса. Слепящие фары прорезали тьму, и вместе с низким рыком двигателя они стремительно приближались.

Луч света полоснул по ее мертвенно-бледному лицу, но она ничего не почувствовала. В пустых глазах по-прежнему отражались разбитые звезды и поглощающая всё тьма. Словно марионетка, из которой вынули душу, она, пошатываясь, шагнула прямо в зону смерти, где сходились два ослепительных луча.

Визг тормозов, от которого сводило зубы, в одно мгновение разорвал ночную тишину!

БАХ!

Раздался глухой удар. Тело Шэнь Цинъюэ, словно воздушный змей с оборванной нитью, подбросило огромной кинетической энергией. Она описала в воздухе короткую дугу и тяжело рухнула на холодный асфальт. Серебристые волосы разметались по дороге. Она замерла. На виске пролегла тонкая, ярко-алая струйка крови, выглядевшая пугающе на бледной коже.

Черный роскошный седан плавно ехал по кольцевой дороге, ведущей за город. Шэнь Цинъюэ откинулся на мягкое кожаное сиденье, наблюдая за мелькающими огнями фонарей.

— Кстати, раз уж я пролежал без сознания целый день, появились ли новости о Е Чжихань?

Услышав вопрос, дядя Чэнь невольно вздохнул. Его молодой господин был во всем хорош, талантлив и прилежен, но вот эта привычка пресмыкаться... Едва придя в себя, он первым делом спрашивает об этой женщине.

— Докладываю, молодой господин. После того как вы вчера потеряли сознание, госпожа Е взяла отгул. В школе она пока не появлялась, и мне не удалось разузнать, где она находится. Прошу прощения!

— Прощения? С чего бы тебе извиняться? Не нашел — так не нашел. Впредь можешь больше не посылать людей следить за Е Чжихань.

Согласно воспоминаниям, обретенным до пробуждения, эта Е Чжихань вовсе не была человеком, поэтому тот факт, что его подчиненные-смертные не смогли ее выследить, был вполне естественным. К тому же, он расплатился по счетам, и никакой кармической связи с ней больше не осталось. Да и сам он больше не тот жалкий подхалим, что был прежде.

— А?

Услышав это, дядя Чэнь на мгновение решил, что ослышался. Он никак не ожидал такого равнодушия от господина, который раньше был одержим этой девушкой.

— Молодой господин, я не ослышался? Вы правда не хотите...

— Дядя Чэнь, ты не ослышался. Мы с ней квиты. Я ей больше ничего не должен, и отныне мы просто однокурсники.

— По... понимаю, молодой господин!

Хотя дядя Чэнь не понимал, что произошло, это было к лучшему — с положением Шэнь Цинъюэ всегда найдутся богатые наследницы, готовые бегать за ним сами. И все же ему было любопытно: неужели его господин действительно сдался?

Шэнь Цинъюэ через зеркало заднего вида видел выражение лица дворецкого. Тот явно не верил в перемены, и это вызывало у Шэнь Цинъюэ головную боль. Казалось, прежний образ так просто не стереть, и он медленно произнес:

— Дядя Чэнь, ты вырастил меня, поэтому я могу говорить прямо. Скажи, как по-твоему... — он сделал паузу, словно слова давались ему с трудом, — ...когда я раньше бегал за этой Е Чжихань, я выглядел как безнадежный идиот?

Руки дяди Чэня, лежавшие на руле, слегка дрогнули. Он взглянул на господина в зеркало, и взгляд его был невыразимо сложным: в нем читались облегчение, волнение и даже... желание пустить скупую мужскую слезу?

— Молодой господин! — голос дяди Чэня от волнения стал выше и заметно дрожал. — Вы... вы наконец-то... осознали это!

Тон его был таким, словно он стал свидетелем чуда: железное дерево зацвело, засохший пруд наполнился водой, а блудный сын наконец вернулся домой.

— Старый слуга... я все эти годы смотрел на вас... Ох! Да что там идиот! Это было просто... просто...

Дядя Чэнь не находил слов, его лицо покраснело от возбуждения, словно он хотел выплеснуть все, что копилось годами.

Шэнь Цинъюэ дернул щекой от такой бурной реакции:

— Эй-эй, дядя Чэнь, хватит уже! Я просто спросил, к чему такая истерика? Кто не знает, подумает, что ты выиграл в лотерею!

— Это радует меня даже больше, чем выигрыш в лотерею! — отрезал дядя Чэнь, а затем осторожно добавил: — Молодой господин, вы... вы правда прозрели? Это не минутное помутнение?

— Чепуха! — Шэнь Цинъюэ закатил глаза. — Я имею в виду, я сейчас абсолютно трезв! Как вспомню те три года позора, так хочется сквозь землю провалиться!

Дядя Чэнь с облегчением выдохнул, и на его лице расцвела искренняя, сияющая улыбка:

— Хорошо! Как же хорошо! Если бы господин и госпожа знали, они бы точно...

— Погоди! — Шэнь Цинъюэ вдруг выпрямился, прищурился и с опасным блеском в глазах уставился на расплывшееся в улыбке лицо дворецкого в зеркале. — Дядя Чэнь, ты сейчас меня оскорбил? Назвал меня идиотом? Хм? Как дворецкий семьи Шэнь, разве ты имеешь право так отзываться о своем нанимателе? Не боишься, что я тебя уволю?

Улыбка на лице дяди Чэня на мгновение застыла, но он с поразительной для его возраста

ловкостью взял себя в руки. Он даже прочистил горло и максимально профессиональным, спокойным тоном ответил:

— Молодой господин, согласно статьям 46, 47 и 87 Закона о трудовых договорах, если наниматель в одностороннем порядке расторгает договор без уважительной причины, он обязан выплатить работнику компенсацию в размере $N+1$. Учитывая, что я прослужил в семье Шэнь более двадцати лет, база N будет рассчитываться из весьма внушительной среднемесячной зарплаты. Кроме того, если увольнение будет признано незаконным, согласно 87-й статье, полагается дополнительная компенсация в двойном размере. Проще говоря, это $2N+1$. Сумма... скажем так, весьма внушительная.

Дядя Чэнь выдержал паузу и одарил Шэнь Цинъюэ в зеркале максимально любезной улыбкой:

— Молодой господин, вы человек состоятельный, и, полагаю, такие мелочи вас не заботят. Но я все же позволю себе спросить: вы действительно хотите заплатить такую огромную сумму за «молчание» по поводу моих слов, вырвавшихся в порыве чувств?

Шэнь Цинъюэ: «...»

Он открыл рот, глядя на невозмутимого дворецкого, который всем своим видом показывал: «Я знаю закон, и мне не страшно». В груди застрял ком. Он — великий Бессмертный Император, переродившийся в этом мире, — был прижат к стенке собственным дворецким с помощью Трудового кодекса?!

— Я... — Шэнь Цинъюэ долго пытался подобрать слова и наконец процедил сквозь зубы: — Дядя Чэнь, завязывай с этим амплуа японского дворецкого! Слишком уж ядовито!

Дядя Чэнь чуть улыбнулся, собираясь сказать что-то примирительное.

И в этот самый момент!

— Молодой господин, берегитесь!

Вскрик дяди Чэня и визг тормозов раздались почти одновременно!

Шэнь Цинъюэ почувствовал, как колоссальная инерция швырнула его вперед, но ремень безопасности с силой врезался в грудь, удержав на месте. Он инстинктивно поднял голову.

В конце луча фар из тени бамбукового леса, словно призрак, выскочила хрупкая фигура! Серебристые волосы сверкнули в свете фар, очертив пугающую дугу!

БАХ!

Глухой удар заставил весь автомобиль содрогнуться!

— Конец... — лицо дяди Чэня стало белым как полотно, руки, сжимавшие руль, затряслись, а голос сорвался на испуганный шепот: — Господин! Мы... кажется, мы кого-то сбили!

Шэнь Цинъюэ тоже был ошеломлен, сердце пропустило удар. В голове пронеслись заголовки новостей: «Сын богатейшего человека Шанхая сбил человека в ночной гонке», «Мажор скрылся с места ДТП»... Нет, он же не скрылся.

— Скорее! Выходим! — Шэнь Цинъюэ принял решение мгновенно, расстегнул ремень, выскочил из машины и бросился вперед. Дядя Чэнь, трясаясь, заглушил двигатель и выбежал следом.

Холодный ночной воздух ворвался в легкие. Шэнь Цинъюэ сделал несколько шагов к переднему бамперу. В свете фар он увидел девушку с серебристыми волосами в рваном платье, лежавшую посреди дороги. Кровь, стекавшая с виска, ярко алела в свете ламп.

— Эй! Ты как? Очнись! — Шэнь Цинъюэ присел рядом и осторожно протянул руку, чтобы приподнять ее и осмотреть раны. Его движения были на удивление спокойными и четкими, совсем не подобающими избалованному «мажору».

Когда его пальцы коснулись холодной руки девушки, и он попытался повернуть ее, лицо, испачканное кровью и пылью, но не утратившее своей ошеломляющей красоты, предстало перед его глазами.

Даже с его опытом Бессмертного Императора, повидавшего множество небесных красавиц, он на мгновение замер.

Серебристые, как снег, волосы, кожа, прозрачно-бледная в свете фар, черты лица, столь изящные, что казались неземными — в ней чувствовалась некая бесполоя, почти божественная, эфирная красота.

Ее брови, тонкие и длинные, как далекие горные хребты, даже в беспамятстве были слегка нахмурены, что придавало ей трогательный и хрупкий вид.

Длинные густые ресницы, словно два маленьких веера, отбрасывали тень на щеки. Сейчас они были плотно сомкнуты, скрывая глаза и оставляя простор для воображения. Форма губ была безупречной, и хотя сейчас они лишились естественного розового оттенка из-за потери крови и боли, плотно сжатые губы выдавали в ней упрямство и беспомощную хрупкость.

Даже в бессознательном состоянии, израненная и жалкая, она излучала такую пронзительную красоту, что это оставляло сильное впечатление. В мире бессмертных по пальцам можно было пересчитать тех, кто обладал подобной внешностью.

Впрочем, это изумление задержалось в глазах Шэнь Цинъюэ лишь на долю секунды, прежде чем смениться глубокой настороженностью и подозрением. Придерживая девушку на сгибе локтя, он бросил через плечо бледному и растерянному дяде Чэню:

— Косплей? Серебристые волосы... Ого, настоящие! Неужели на фестивалях аниме теперь такая конкуренция? Решила заняться перформансом и лечь под машину ради вымогательства?

Язык его был остр, но пальцы уже профессионально и скрытно легли на запястье девушки, нащупывая пульс.

Однако, как только кончики его пальцев коснулись ее кожи!

ВУМ!

Слабая, но плотная, как паутина, нить, такая тяжелая, что у него перехватило дыхание даже в остатках его божественного сознания, внезапно возникла в восприятии! Эти невидимые «нити» одним концом опутывали девушку, а другой... тянулся к нему самому! Казалось, в бесконечно далеком прошлом и будущем их судьбы уже были намертво связаны этой колоссальной сетью причинно-следственных связей!

Это ощущение... слишком странно! Слишком тяжело! Зрачки Шэнь Цинъюэ едва заметно сузились.

В то же время пульс под его пальцами, хотя и был слабым, оказался необычайно ровным и сильным, далеко выходящим за пределы человеческого! Но больше всего его поразило то, что он заметил краем глаза: края ужасной раны на виске девушки, казалось, прямо на глазах... начали затягиваться!

Такая регенерация... это ненормально!

И эта сила внутри нее. Кажется, я недавно чувствовал нечто подобное от Цинъюэ. Что здесь происходит?

<http://bllate.org/book/18890/1845840>